

кормить.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ.

VIII.

Иные люди въ миръ пришли,
Иные взгляды и понятія
Они съ собою принесли...

Какое-то новое, странное, но могучее волхванье волнуется русское литературное море. Точно вулканъ извергается на днѣ его, и море кипитъ, выбрасывая на поверхность чуда свои, доселѣ скрытых на темныхъ глубинахъ, непознанныхъ зотомъ. Чуда эти и странны, и прекрасны. Движенія ихъ дикы, но увлекательны своею необычною мощью, воспитанною подоннымъ давленіемъ. Отъ нихъ жутко, но къ нимъ тянешь. Отъ нихъ дышетъ и ужасомъ моря, и его бодренною свѣжестью.

Русская литература вѣла періодъ аристократическій, періодъ демократическій, вѣли нѣтъ компромисса ихъ слѣпилось что-то, продуктъ періода буржуазнаго, который заполнилъ эпоху прошлаго царствованія. Въ настоящее время, она переживаетъ новый переломъ—съ громкимъ властнымъ стукомъ ломится въ дверь ея четвертое сословіе, безправный пролетаріатъ, котораго все житейское искусство—въ себѣ самомъ, который, изъ всѣхъ обязанностей къ обществу, сохранилъ лишь одну—увѣренность, что его пора и надо радикально перестроить, а изъ привилегій отъ общества—лишь необузданную свободу мысли, чувства и пѣсни на голодный желудокъ.

И все это случилось съ страшною внезапностью. Въ литературѣ все обстояло даже до противности благополучно, было „мило и благородно“, какъ гдѣ-то у Осиповскаго выражается кварталный. Было средненькое творчество, со средненькою психологіей и, для нѣкоторой пикантности словесныхъ кушаній, со средненькимъ протестомъ. Во главѣ литературы непоколебимо и одиноко стоялъ очень талантливый ювелиръ слова, Антонъ

Панловичъ Чеховъ, неводражаемый певецъ маленькихъ людей золотой середины, маленькихъ чувствъ, маленькихъ страстей, маленькихъ горестей и маленькаго счастья. Писатель увлекательный, несравненный стилистъ, мѣрно и осторожно шевелящій нервы—ровно настѣлько, сколько надо для человека, жезающего пережить рядъ разнообразныхъ эмоций, но отнюдь не развлекаться ими до выбитія ума и сердца изъ обычной, опредѣленно намѣченной колеи. Направление буржуазнаго спокойствія и легонькаго безобиднаго скептицизма стало до такой степени всеобщимъ и господствующимъ въ области художественнаго слова, что некоторые, очень крупные мастера его, не желавшіе ограничить дѣятельность свою миниатюрнымъ творчествомъ, котораго настойчиво требовалъ вкусъ вѣка, вовсе оставили эту область и ушли въ публицистику, какъ Короленко, или заняли промежуточное мѣсто—одною ногою въ беллетристику, другою въ публицистику—какъ Гаринъ-Михайловичъ.

И вдругъ, вся эта тишь, гладь и Божья благодать избалована, оглашена стонящими воплями титаническихъ стонровъ, проклятій, смѣха, рыданій, шутокъ, богохульствъ, пѣсень, причитаній. Вѣсело сѣренькихъ, приличныхъ буржуевъ, психологія и булавочно-мелкая походка котораго такъ интересовали предшествовавшее поколѣніе, на литературиую арену врывается толпа босыхъ людей, съ черными, мозолистыми руками, съ глазами недобрыми, полными мрачнаго огня, голодная, холодная, полная ненависти и слезъ.... И свѣтитъ ей не сѣренькій, петербургскій день, съ его кислою мглой, но зловѣщее пожарное зарево.... И ослѣпленный, огушенный читатель едва въ состояніи разобраться въ ревіи напавшихъ врешельцевъ:

— Смотри на насъ, какъ мы ничтожны

(...)

Ваня - о Виргинии
и Тарасе

Oed Gentleman